

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

(Жизнь и книги)

Прежде чем говорить о писателе и его книгах, обратим внимание на некоторых людей, его окружавших. Перед нами встанут, собственно, три фигуры — словно тени, они возникают за спиной многих персонажей Конан Дойля. Кто же они?

Джордж Бадд, студент Эдинбургского университета, впоследствии доктор Бадд. Когда под пером Конан Дойля явится прославленный сыщик Шерлок Холмс, он получит свою неукротимую энергию от Джорджа Бадда, бригадир Жерар заимствует у него же манеру прихвастнуть, а профессор Челленджер в «Затерянном мире» будет совершенно так же, как Бадд, носиться то с проектом обезвреживания торпед, то нового и дешевого способа получения азота из воздуха и т. д. и т. п.

Следующий — профессор анатомии Эдинбургского университета Вильям Резерфорд. Лекции, рассказывают, он начинал читать еще в коридоре, постепенно входя в аудиторию. И это было одно из мелких и безобидных чудачеств, которые за профессором числились. Черная, особого фасона борода Резерфорда — вот она у того же профессора Челленджера вместе с другими привычками, манерами и фантазиями ученого-оригинала.

И еще одно, особенно важное лицо. Доктор Джозеф Белл. С него, по мнению многих, «списан» Шерлок Холмс. Исключительная наблюдательность Белла, также преподававшего в Эдинбургском университете, его умение «прочесть» биографию человека, разгадать его прежнюю жизнь по внешности, одежде, речи, жестам и подсказали будто бы писателю удивительную проницательность Шерлока Холмса. Ничего подобного, заявляет по этому поводу Адриан Конан Дойль, сын писателя. То, что различные критики, считает он, слагали лавры Шерлока Холмса к ногам доктора Белла, — совершенная ошибка. Адриан сослался на слова Конан Дойля, сказанные им однажды: «Если и был Холмс, так это я сам». Он подразумевал все те же свойства натуры, склад личности — волю, настойчивость, умение насквозь видеть людей, умение строго логически мыслить, силу вообра-

жения — все, что отличает Шерлока Холмса и что было по-своему присуще и Бадду, и Беллу, и Резерфорду.

Писатель редко копирует в том или ином персонаже одно определенное лицо. Литературный герой соединяет в себе множество авторских наблюдений, и последовательных и случайных. Даже прославленный Робинзон, будто бы документально повторивший судьбу реального человека,— и тот на деле явился на свет более сложным путем: выспрашивал Дефо Александра Селькирка, жившего в одиночестве на острове Хуан-Фернандес, и добавил ему черты другого матроса.

Кто был Шерлоком Холмсом? — вопрос также слишком прямолинейный, и к нему не следовало бы возвращаться, если бы черты тех, кто в той или иной степени «был» им, не группировались вокруг некоего психологического центра, а более всего не воплощались бы в самом авторе.

Итак, наконец, сэра Артура Конан Дойля — «большого сердца, большого роста, большой души человек»,— сказал о нем Джером К. Джером, автор «Троих в одной лодке». В Конан Дойле охотно различали свойства, которые англичане *любят* считать особенностями своего национального характера. Например, спортсменство. Не в специальном смысле, а в более широком понимании тренированности тела и духа, энергии и энтузиазма.

Характерно, что традиционные английские биографические справочники «Кто кто?..» («Who's who?..»), сообщая происхождение «такого-то», где он учился, служил, что совершил, изобрел, написал, напечатал, непременно указывают, чем данный человек, этот отличившийся современник, имеет обыкновение заниматься на досуге, какими видами спорта увлекается. И если посмотреть справку о Конан Дойле в выпусках 1910-х годов, когда ему за пятьдесят, то из года в год в графе его увлечений будут значиться гольф, крикет, велосипед. Гольф — это сила и точность удара, но главное — ходьба, размеренная и многочасовая. Крикет — темп, сердце. Велосипед — выносливость. 20-е годы — и крикет, где надо подчиняться общему ритму, уступает место бильярду. Все же гольф и велосипед, позволяющие соразмерить напряжение с возрастными силами, у Конан Дойля как досуг остаются. Конан Дойль был настоящим

спортсменом: он возглавлял регату, играл в регби, готов был при случае боксировать — в молодые годы.

Однако в еще большей мере отличался он умением увлечься, войти в неспециальный азарт, как выходило это, например, у бессмертного мистера Пиквика и его друзей. Слово «приключение» сохраняло над ним власть всю жизнь.

Буквально перед смертью, чувствуя приближение последнего часа, Конан Дойль нашел в себе силы пошутить: «За всю жизнь мою у меня было много приключений. Но самое сильное и удивительное ждет меня теперь».

У абсолютного большинства читателей имя Конан Дойля вызывает в памяти героя многих его произведений — Шерлока Холмса. На доме, где родился писатель, имеется надпись: «Создатель Шерлока Холмса...» Между тем Конан Дойль далеко не только «создатель Шерлока Холмса» — он автор семидесяти книг: здесь сборники рассказов, повести, романы — приключенческие, фантастические, исторические, путевые очерки, стихи, труды по... спиритизму и, наконец, автобиография «Воспоминания и приключения (конечно же!) сэра Артура Конан Дойля». Есть разные свидетельства, что знаменитый сыщик и не пользовался особенным расположением самого писателя. Гораздо больший вес придавал Конан Дойль своим историческим романам. И на это имелись у писателя личные причины.

Сын писателя, все тот же Адриан Конан Дойль, с гордостью подчеркивает, что в британском «Словаре национальных биографий» значатся пять представителей фамилии Дойлей. Среди них Джон Дойль, дед писателя, портретист и карикатурист, а также Ричард Дойль, дядя писателя, художник журнала «Панч», иллюстратор Теккерея. Диккенс и Теккерей были в числе семейных знакомых Дойлей. Когда в «Национальные биографии» вошло и жизнеописание Артура Конан Дойля, то там говорилось, что он происходит из семьи, «хорошо известной в области литературы и искусства». Следует добавить: и довольно древней фамилии. Имена далеких предков Конан Дойля попадаются на страницах романов Вальтера Скотта. Сэр Деннис Пэк, дядя матери, вел в бой Шотландскую бригаду в битве при Ватерлоо. «Одни в нашей семье,— говорил Артур Конан Дойль,— были благородны по происхождению, другие — по

своим устремлениям». Адриан несколько кичится этим, но для его отца семейная традиция, так тесно соединившаяся с национальной историей, вовсе не была предметом дутой спеси.

Во времена Конан Дойля, то есть на рубеже XIX—XX столетий, не он один среди английских писателей занимался в этом смысле геральдикой, отыскивая свои исторические корни. Томас Гарди, крупнейший английский романист этого периода, автор «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», — из тех Гарди, имена которых также занесены в «Словарь национальных биографий», — в свою очередь, стремился осмыслить историю с «семейной», так сказать, точки зрения. Вопрос даже не в титулах и дворянстве, которое, кстати, и у Гарди и у Конан Дойля было если не сомнительным, то, во всяком случае, захудалым. Действительным был творческий вклад Гарди или Дойлей в национальную историю. Он и составил законную гордость этих писателей.

С детских лет, главным образом под влиянием матери, Конан Дойль «вживался» в английскую историю, различая в ушедших веках знакомые имена, детали, события. Конан Дойль стал близко чувствовать прошлое. В романе «Белый отряд» он потом развернет картину Англии XIV столетия. И там, в частности, будет сценка в придорожной гостинице. Конан Дойль покажет таверну «Пестрый кобчик», где дым из камина лишь частью выходит в трубу, а больше клубится здесь, прямо в низкой, сумрачной зале. Сидит тут за кружкой эля разный народ: местные жители, путники, а вот солдат явился с добычей из Франции. Бродячий певец с грубо сколоченной арфой занимает сидящих песней. Все подхватывают. Поют и пьют:

«За гусиные серые перья...»

Конан Дойль наблюдает происходящее глазами Аллейна Эдриксона, молодого человека, во многом на него самого похожего. Звучит в дыму песня. Конан Дойль отмечает: Аллейн впоследствии пережил много сильных и тревожных впечатлений, но, несмотря на это, сцена, которую ему пришлось увидеть теперь, запечатлелась навеки в его памяти. Конан Дойль мог бы повторить это и о своей памяти, вернее, воображении, которое с

детства наполнилось и жило такими картинами, никогда им не виданными и в то же время достоверно знакомыми.

За время последней, предсмертной болезни Конан Дойль нарисовал шуточную автобиографическую картинку «Старый конь»: он изобразил себя под видом понурой, дряхлой клячи, которая тянет тяжело груженный воз («труд всей жизни»), а позади — длинный путь. Разные вехи на этом пути! Конан Дойль обозначил те, что казались ему существенными, символическими рисунками и поставил имена и даты. Вышло все очень наглядно.

Телега жизни начинает свое движение с той поры, которую Конан Дойль представил младенцем, орущим в ванночке. Эдинбург, 1859 год. Там и тогда, 22 мая, родился «создатель Шерлока Холмса». Его отец Чарльз Элтимонт Дойль был архитектором и художником, служил же он всего-навсего клерком в конторе. Человек тонкий, привлекательный внешне и духовно, натура творческая и совершенно непрактичная, Чарльз Дойль был неудачником. Конан Дойль до конца своих дней считал отца незаурядным живописцем; он мечтал на склоне лет собрать и устроить выставку его работ, растерянных где попало. Умер Чарльз Дойль в инвалидном доме, еще до того как все дети подросли и стали на ноги.

Это теперь в «Словаре национальных биографий» читается столь торжественно: «Семья, известная в области литературы и искусства». Между тем обладатели известного имени жили, как говорится, в «убогом благополучии». «Существовали мы в тяжелой атмосфере бедности,— вспоминал писатель,— и каждый из нас старался как мог помогать младшим в семье».

Артур должен был бы, собственно, зваться просто Дойлем, однако ему, как и его старшей сестре, дали еще имя Конан, в честь дяди отца — Мишеля Конана, полуфранцуза-полуангличанина, художника и литератора. Мишель Конан не имел наследников и, желая сохранить свое имя, передал его внучатым племянникам.

Шотландец по рождению, ирландец по национальности, англичанин по воспитанию — так биографы считают необходимым указывать на своеобразие судьбы Конан Дойля. Он уро-

женец Эдинбурга, земляк Р. Л. Стивенсона, создателя «Острова сокровищ»; Стивенсон лишь на девять лет старше. Они познакомились через переписку, однако так никогда и не встретились, но у них были общие друзья по Эдинбургу. Им вспоминались одни и те же лица. Когда появился Шерлок Холмс, Р. Л. Стивенсону показались знакомыми некоторые его черты, и он интересовался в письме к Конан Дойлю: «Уж не мой ли это старый приятель Джо Белл?»

Большую роль в жизни Конан Дойля играла его мать Мэри Фоли. Об этом говорит хотя бы их переписка, очень сердечная и весьма обширная: сохранилось до полутора тысяч писем Конан Дойля к «матушке». Английские исследователи творчества писателя упорно говорят о том, что дар рассказывать у него свойство потомственное, идущее от давних, еще рыцарских традиций семейства. Во всяком случае, у Мэри Фоли был этот дар и она могла непосредственно передать его сыну. Как знать, может быть, способ повествования, повторяющийся в «Подвигах» и «Приключениях» бригадира Жерара и в других произведениях Конан Дойля — бывалый человек развлекает своих слушателей рассказами,— потому и казался писателю особенно естественным, что он усвоил его с детства! Конан Дойль говорил прямо: «Настоящая любовь к литературе, склонность к сочинительству идет у меня, я считаю, от матери». Он пояснял: «Если я что-нибудь и помню со времен моего раннего детства, так это ее увлекательные рассказы, которые сохраняются у меня в памяти столь живо, что заслоняют даже действительные события моего существования тех лет. Она не только была и есть удивительный рассказчик, но владела, я помню, так искусно умением понижать голос до устрашающего шепота, что у меня и теперь пробегают мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом. Я убеждаюсь, оглядываясь на прошлое, что именно стремление воспроизвести эти рассказы детства дало толчок к развитию моей собственной фантазии».

Какие-то мрачные башни и стены — следующий пункт на пути «старого коня». Это приготовительная школа Годдера, а затем иезуитский колледж Стонихерст (графство Ланкашир), где в 1869—1876 годах прошел школьную выучку Конан Дойль. Писатель не нарисовал и никак иначе не обозначил начальную

школу в Эдинбурге — тут ведь сделал он первые шаги в образовании. Школа эта не изгладилась из его воспоминаний. Забыть ее было трудно. Учитель с ремнем в руках — вот была бы, пожалуй, наиболее показательная иллюстрация к этому эпизоду из жизни Конан Дойля. «В возрасте от семи до девяти лет, — писал он потом, — я страдал под властью рябого одноглазого мерзавца, который будто бы сошел со страниц Диккенса». Чтобы еще живее представить себе атмосферу этой школы, следует, вероятно, перечитать всколыхнувшие в свое время всю Англию главы из диккенсовских «Приключений Николаса Никльби», где изображается детский пансион.

«Он калечил наши юные жизни», — вспоминал об этом учителе Конан Дойль. И как раз в столкновении с такой жестокостью и, как видно, очень рано обнаружилось удивительное здоровье натуры писателя. Он ребенком испытал жестокость, пережил ее, она оставила заметные рубцы, а все же не вселила в его душу неисправимую робость, дрожь и даже неприязнь к напористой силе. Конан Дойль всю жизнь ценил умение ударить, если требуется, дать сдачи. В семьдесят лет он едва не обломал зонтик о наглеца, оскорбившего его отцовские чувства.

«Иезуитский колледж» — звучит страшно. У Дж. Джойса в романе «Портрет художника в юные годы» (1904—1914) описано на основе личного опыта суровое иезуитское учебное заведение. Конан Дойль жил в Англии, но и здесь нравы иезуитов оставались столь же средневековыми. Та же сухость во всем: в методе и материале преподавания, в обращении с воспитанниками, в распорядке жизни и в пище. Даже розгу звали похоже: у Конан Дойля — «Голлей», а у Джойса — «Горкай».

Отдать сына в иезуитский колледж побуждала родителей Артура ритуальная привязанность к своей «старой родине», к Ирландии, хотя они давно натурализовались в Англии. Особенно их поддерживал в этом намерении Мишель Конан. «Его (Артура) *национальный вкус*, — подчеркивал он в письме к Мэри Фоли, — в котором у меня нет никаких сомнений, и определенная доля выучки в Стонихерсте сделают из него законченного художника и позволят ему, таким образом, занять высокое и почетное положение». Однако в то же время Конан всячески предостерегал родителей будущего писателя от последующих

шагов в этом направлении, от того, чтобы выбрать для него религию делом жизни и связать его судьбу с иезуитами.

К этому времени определился круг чтения Конан Дойля, чтения еще юношеского, однако, как и детские рассказы матери, сохранившего влияние на интересы всей его жизни. «С тех пор,— говорил он о детстве,— мне приходилось в самом деле стрелять медведей и охотиться на китов, но все не шло ни в какое сравнение с тем, как я пережил это впервые с мистером Баллантинном или капитаном Майном Ридом в руках». Майн Рид, Р. М. Баллантин, автор романа «Коралловый остров»,— пора мальчишества. Теперь же, в Стонихерсте, Конан Дойль попадает под власть Вальтера Скотта, зачитывается «Айвенго». Особую роль в его литературной ориентации сыграли «Этюды» крупного английского историка Т. Б. Маколея. Это была одна из тех задушевных для него книг, импульс впечатления от которых действует долго. Маколей увлек его манерой изложения, живостью исторических картин и выразительностью портретов. Кроме того, хотя тогда это еще не могло быть юношей осознано, Маколей патетически защищал продвижение той среднебуржуазной прослойки, к которой принадлежал и Конан Дойль. «Этюды» занимали почетное место у него на полке до конца его дней.

Со школьных лет в Конан Дойле буквально «заговорил» рассказчик. Услышанное от матери, прочитанное, игра пробудившегося воображения — все это просилось наружу, и он занимал устными повествованиями своих товарищей. Рассказы продолжались изо дня в день и так неделями, свидетельствует Конан Дойль в своих воспоминаниях. Он выдумывал что-нибудь захватывающее, чтобы происходили битвы, схватки, чтобы лилась кровь и совершались подвиги. «Подношения в виде сладостей побуждали меня творить дальше,— вспоминает он,— и я всегда деловито уславливался относительно кексов, что показывало, насколько я был от рождения предназначен стать членом Общества литераторов. Иногда меня настигал упадок творческих сил и только яблоки придавали мне новую энергию. Когда же я подходил к моменту — «Держа левой рукой ее пышные локоны, он правой размахивал ножом у нее над головой, а тем временем...» или «Медленно, медленно отвори-

лась дверь, и взором, полным ужаса, несчастный маркиз увидел...», — я чувствовал, что слушатели в моей власти».

И рассказы, и Вальтер Скотт, и Маколей — все это держалось в стороне от наставнических глаз.

Как ни тягостно было у Годдера и в Стонихерсте, но и на этот раз сказалась прочность характера Конан Дойля; тогда «конь» был совсем молод и усердно тянул поклажу. «Должен сознаться, — писал он впоследствии жене друга, спросившей у него совета, — что я не нахожу систему воспитания в Стонихерсте удачной, и я бы, например, не послал туда своего сына, если бы он у меня был. Они чрезмерно старались воздействовать страхом и слишком мало любовью или разумом». Тем не менее «упрямый маленький мул» (так назвал себя писатель) выполнял требуемое, получал награды и успешно закончил курс.

Конан Дойль не отметил рисунками поездки после окончания колледжа в Лондон, а затем на континент, в Австрию, и на обратном пути в Париж. Между тем именно в эту пору решалась его дальнейшая судьба. Мэри Фоли не ради экономии средств, а по убеждению не оставляла мысли о карьере священника для своего сына. В Австрии он опять находился в иезуитском колледже, в той же, по существу, обстановке. Однако в Париже он встретился со своим двоюродным дедом Мишелем Конаном, редактором «Журнала искусств». Полагают, что Конан, сам литератор, был убежден в писательском призвании своего внучатого племянника и оказал решительное воздействие и на родителей и на Артура. С церковными планами было покончено.

Усидчивый студент за книгами — таков очередной символ на пути «старого коня». Это значит Эдинбургский университет, 1376—1881 годы. Авторитет Мишеля Конана подействовал, однако, не вполне и не сразу. Более влиятельным оказалось слово доктора Уоллера, друга семьи, по совету которого Конан Дойль решил сделаться врачом и поступил на медицинский факультет.

Здесь и слушал он лекции Джозефа Белла, профессора Резерфорда, здесь свел дружбу с Джорджем Баддом. Особенно удивительны были занятия с доктором Беллом. Белл пользовался в Эдинбурге всеобщей популярностью. Сохранилось немало

рассказов, как умел он сам и как учил студентов «разгадывать» людей.

— Что с этим человеком, сэръ? — вопрошал он дрожащего студента.— Посмотрите-ка на него получше! Нет! Не прикасайтесь к нему. Пользуйтесь глазами, сэръ! Да, пользуйтесь глазами, действуйте мозгом! Где ваш бугор апперцепции? Пускайте в ход силу дедукции!

Оригинальная одаренность подкреплялась у Белла большим медицинским опытом. Главный хирург Королевской лечебницы в Эдинбурге, он начинал некогда санитаром. Из своего обширного профессионального багажа он искусно подбирал «ключ» к характеру и недугу пациента. Вот его суждение: «Перед нами рыбак, господа! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги. Кроме моряка, никто не станет в такое время года носить высокие сапоги. Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать. За щечкой у него жевательный табак, и он управляется с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Далее, об этом свидетельствуют рыбы чешуйки, уцепившиеся за его одежду и налипшие ему на руки. И, наконец, специфический запах позволяет судить о его занятии с особенной определенностью». И Белл редко ошибался.

Занятия Конан Дойля двигались успешно. Не забывал он и литературу, хотя писательство было для него пока вторым делом, развлечением, хобби. Еще когда он был студентом, ему удалось кое-что опубликовать. В октябре 1879 года в «Чемберс джорнэл» появился его рассказ «Тайна Сэсасской долины», а «Лондон сосаети» принял «Американскую повесть». Вещи эти прошли незамеченными. Впрочем, и в памяти самого автора они не оставили существенного следа.

Несколько позднее, но все же в ранние годы своего писательства Конан Дойль сотрудничал в журнале «Корнхилл мэ-гэзин» и очень гордился этим. В свое время там активно печатался Теккерей, а потом — Р. Л. Стивенсон. Рассказы Конан Дойля помещались анонимно, чтобы не навлечь на молодого

автора гнев рецензентов. И в самом деле, один утверждал: «Теккерей в гробу, должно быть, перевернулся от этих рассказов!» Однако другой счел их достойными «Новых арабских ночей», то есть книги Стивенсона.

Каникулы предпоследнего года обучения в университете Конан Дойль провел в плавании. Ему повезло, и он попал корабельным врачом на судно, отправлявшееся в арктические воды. Новые горизонты открылись перед ним и необычайно вдохновили молодого человека. В 1881 году Конан Дойль получил университетский диплом, стал М. Б., то есть «Бэчелер оф Медисн» — бакалавром медицины. На этом, однако, профессиональная подготовка не заканчивалась. Надо было сделаться М. Д. — доктором медицины. И 1882—1890 годы оказались заняти, как пометил на своем жизненном маршруте Конан Дойль, врачебной практикой. В 1882 году он снова в плавании, на этот раз южном. Он повидал Западную Африку.

Как раз в эту пору дальние моря бороздил другой будущий знаменитый английский писатель, а пока профессиональный моряк, — Джозеф Конрад.

В Англии Конан Дойлю пришлось сменить несколько городов и не раз сняться с места, прежде чем он удачно обосновался в приморском городке Саутси. В одном из мануфактурных магазинов Саутси продавцом служил... Г. Дж. Уэллс. Будущий автор «Человека-невидимки» прошел в молодости трудовую школу. Хозяин этого магазина как раз лечился у доктора Конан Дойля, и доктор, в свою очередь, был его постоянным клиентом, однако на продавца он тогда как-то не обратил внимания.

В послеуниверситетские годы Конан Дойль пережил духовный перелом и окончательно отошел от религии. Для него, родившегося и воспитанного в традициях ирландского католицизма, это был очень болезненный кризис. И тем не менее ни католицизм, ни англиканская церковь не смогли удержать его в своем лоне. Большое влияние оказывала на него тогда наука — естествознание и философия, представленная в Англии именами Дарвина, Томаса Гексли, Герберта Спенсера, Дж. Стюарта Милля. Эти люди, отмечал позднее Конан Дойль, были решительными отрицателями и вместе с тем в нравственном отно-

шении куда меньше предлагали взамен, чем отбрасывали, но сила их раскрепощающего воздействия на умы была непреодолима.

Изображая себя самого этого времени на пути «старого коня», Конан Дойль нарисовал фигуру молодого человека в легком пальто и шляпе и с каким-то не то ореолом, не то облаком над головой. То были, видимо, его мечты и надежды добиться места в жизни. И он многого достиг. Здесь, в Саутси, за восемь лет не только сформировался доктор Конан Дойль, но и явился Конан Дойль-писатель. Желанные литеры М. Д. прибавились к его имени в 1885 году, когда он защитил диссертацию. А в 1887 году вышла в свет первая его повесть, «Этюд в багровых тонах». Главные персонажи этой повести потом долго не разлучались с писателем. Это были доктор Уотсон и Шерлок Холмс.

Первый рассказ из серии «Приключения Шерлока Холмса», «Скандал в Богемии», появился в июле 1891 года в «Стрэнд мэгэзин», и детектив с Бейкер-стрит прочно укрепился на страницах этого журнала. Конан Дойль очутился на некоторое время во власти собственного персонажа. Через два года он при всей своей выдержке, здоровье и плодовитости стал тяготиться непрерывной надобностью продолжать нескончаемую цепь походов Шерлока Холмса. «Дорогая матушка,— сообщал он Мэри Фоли в одном из писем.— ...Я решил убить Шерлока Холмса. Он отвлекает меня от более важных вещей». «Кровожадное» намерение было выполнено: в рассказе «Последнее дело Холмса» (1893) Шерлок Холмс погиб в схватке с профессором Мориарти. Но отделаться от любимца читающей публики оказалось не так-то просто. И хотя в конце рассказа было подчеркнуто определенно, что эксперты не имели двух мнений по поводу исхода борьбы грозных соперников на краю жуткой пропасти, хотя говорилось, что попытки отыскать тела разбившихся не дали никакого результата, тем не менее лет через десять Шерлока Холмса пришлось воскресить.

Конан Дойль с большим энтузиазмом занимался исторической темой. Первый его исторический роман вышел тотчас следом за «Этюдом в багровых тонах». Затем появилась люби-

мая книга самого Конан Дойля — роман из английской истории XIV века «Белый отряд».

В 1901—1902 годах на страницах журнала «Стрэнд мэгэзин» Конан Дойль опубликовал образцовую в своем роде повесть «Собака Баскервилей».

Первым из видных писателей на талант начинающего Конан Дойля обратил внимание Оскар Уайльд. Впоследствии они встретились у редактора журнала «Липпинкотс мэгэзин». Эта встреча осталась для Конан Дойля на всю жизнь одним из ярких впечатлений. Оскар Уайльд царил за столом, и хотя общий разговор больше походил на монолог, произносимый одним Оскаром Уайльдом, это выходило естественно и его принимали как достойного властелина в умении занять слушателей.

Редактор предложил каждому из них дать в его журнал по одному произведению. Оскар Уайльд написал тогда «Портрет Дориана Грея», Конан Дойль — «Знак четырех».

С 1891 года Конан Дойль оставил поприще врача. Литература стала для него профессией. Он продолжал путешествовать. Ездил по Европе; в Швейцарии, в Давосе, познакомился с Редьярдом Киплингом. Конан Дойль высоко ставил стихи Киплинга, однако тут же ревниво замечал: «А большой прозаической вещи ему не написать...» В Норвегии он был вместе с Джеромом К. Джеромом, и тот оставил об этой поездке забавные воспоминания вполне в духе «Троих в одной лодке». Конан Дойль пересек океан и посетил Соединенные Штаты, где выступал с публичными чтениями своих произведений. Был в Египте.

Попробовал Конан Дойль свои силы и в драматургии. Его пьеса «Ватерлоо» (1894—1895) с выдающимся английским актером Генри Ирвингом в главной роли прошла очень удачно в Бристоле и в Лондоне. Очевидец отметил в дневнике: «Новая пьеса — невероятный успех. Генри Ирвинг великолепен и грандиозен. Все смеялись и плакали. Прекрасное изображение старости. Восемь вызовов в финале».

Были сделаны также две инсценировки по мотивам рассказов о Шерлоке Холмсе — одна в США, а другая в Англии. В первой из них Конан Дойль выступал, собственно, только как консультант, отвечая за океан на вопросы постановщика:

«Можно женить Шерлока Холмса?» — «Делайте с ним что хотите!» Сам Конан Дойль написал пьесу по рассказу «Пестрая лента». И ему и рецензентам спектакль в общем казался удачным. Хорош был в роли Шерлока Холмса Сэнтсбери. Конан Дойль считал, что этот актер наиболее точно соответствует его представлениям о внешности и манерах знаменитого детектива. Мнения автора и печати разошлись в одном неожиданном пункте. В интриге этого рассказа первостепенное место занимает ядовитая змея. Писатель намеревался как можно больше ошеломить и уstrasить зрителей и приспособил для спектакля живого «исполнителя». Однако результат получился обратный: в зале отказывались принимать его за настоящую змею. «Весь спектакль,— утверждала одна газета,— портит отвратительное чучело змеи». Хотел бы я,— в свою очередь, возмущался Конан Дойль,— чтобы этот писака познакомился с таким «чучелом» поближе! Он подбирал новых и новых змей, однако все они, по его признанию, оказались «плохими актерами». Пришлось обратиться к обычному театральному реквизиту и повесить в самом деле муляж. Эффект превзошел все ожидания. Газеты писали: «Прекрасно смотрится на сцене живая змея». Такова уж ирония в соотношении фактической достоверности и театральной правды!

Уже на закате своих дней Конан Дойль встретился творчески с крупным кинорежиссером Альфредом Хичкоком, который снял по его сценарию фильм «Ринг» (1927).

1900 год — англо-бурская война. Конан Дойль снова врач. Он добровольно стал главным хирургом в полевом госпитале, организованном богатым филантропом. «Дело в том,— писал он Мэри Фоли,— что, мне кажется, я имею сильное влияние на молодых людей, особенно на молодых, атлетически развитых, спортивных людей (как и Киплинг). И коль скоро это действительно так, чрезвычайно важно, чтобы именно я подал им пример. Вопрос не в моих сорока годах, хотя я совершенно здоров, как всегда, но в том воздействии, какое я могу иметь на эту молодежь». По возвращении с фронта он составил свой писательский отчет о войне — книгу, которая вызвала широкий отклик в общественном мнении и политических кругах. С тех пор Конан Дойля стали называть Патриотом. Был это в конечном счете тот

самый «патриотизм», о котором А. И. Куприн выразительно писал в очерке «Редиард Киплинг», где упоминается и Конан Дойль: «беспримерно жестокая колониальная политика».

Конан Дойль выпустил еще одну книгу — «Война в Южной Африке; ее суть и события» (1902), где в сжатом виде изложил свою точку зрения. Он значительно сблизился со сферами высшей английской политики. Получил дворянское, рыцарское звание, стал сэром. Дважды, в 1901 и в 1906 годах, он баллотировался на выборах по Эдинбургскому округу, однако оба раза безуспешно. Но это не охладило и не исчерпало общественного пафоса писателя. Свою незаурядную энергию он устремил в иную область. Так, с завидной настойчивостью и совершенно безвозмездно Конан Дойль выступал ходатаем за некоего Джорджа Эдалжи, который в 1903 году был осужден на семь лет тюрьмы. Дело его было состряпано полицией. Узнав об этом в 1906 году, Конан Дойль в январе 1907 года опубликовал в «Дейли телеграф» серию статей, принял другие энергичные меры и добился окончательного оправдания своего подопечного.

На исходе 1900-х годов Конан Дойль оказался глубоко вовлечен в широкий международный конфликт по поводу политики Бельгии в Конго. Теперь он выступил с развернутым осуждением колониальной политики, впрочем, именно бельгийской колониальной политики, которая нарушала ряд соглашений относительно Конго, касавшихся Англии и Франции. Когда произведенные им разоблачения постарались опровергнуть на том основании, что он тенденциозно осветил факты, желая лишь способствовать интересам Англии, Конан Дойль отвечал на это: «Бельгия не управляла своей колонией. Она просто выжимала из нее соки, заставляя силой местное население отправлять пароходами все сколько-нибудь ценное в Антверпен». Конан Дойль привел в самом деле сильный разоблачительный материал, дал картину бесчеловечия и беззакония колониальных бельгийских властей, того, что одним словом было указано в заглавии его книги — «Преступление в Конго» (1909).

Книгу эту Конан Дойль написал в неделю: его заинтересованность в конголезском инциденте была исключительной. Даже некоторые крупные политические деятели

обратили пристальное внимание на происходившее в Конго, лишь прочитав написанное Конан Дойлем. Из других английских и американских писателей участие в обсуждении конголезской проблемы принимал Джозеф Конрад, но значительно менее активно. Марк Твен, хотя был уже серьезно болен, все же просил передать Конан Дойлю, что с интересом ознакомился с его книгой. Своеобразную позицию занял Киплинг, для которого колониальная тема была, как известно, необычайно острой. Он знал о Конго и прочел книгу Конан Дойля, оценив его осведомленность и разоблачительное воодушевление. Однако сам Киплинг не был склонен к тому, чтобы энергично воздействовать на мировое общественное мнение. Если конфликт разрастется, замечал он Конан Дойлю, то ведь не придется в изъяснениях человеколюбия ограничиться патетическими призывами. «А вдруг,— продолжал он,— Бельгия решит дать нам совет заниматься нашими собственными делами (с добавлением некоторых неприятных замечаний относительно Индии), что мы будем делать?» Наконец, Германия — она может взять Бельгию под свое крыло, приняв «позу защитника угнетенных национальностей». И далее, завершал свои предостережения Киплинг, вопрос сведется к простой арифметике солдат, ружей и мощных кораблей: «Международные гарантии не стоят бумаги, на которой они изложены, когда Германия редактирует текст».

Конан Дойль не принял этих опасений и продолжал публично отстаивать свою точку зрения.

В эти годы он работал и над художественными произведениями. Вышли его научно-фантастические повести «Затерянный мир» (1912) и «Отравленный пояс» (1913). Здесь обрисовался еще один характер, который как определенный человеческий тип постоянно интересовал писателя,— профессор Челленджер, с его неистовством, причудами и вместе с тем непоколебимой исследовательской целеустремленностью. Тогда же была написана последняя из детективных повестей Конан Дойля, «Долина ужаса», где по-прежнему действовал Шерлок Холмс, а кроме него, появился сыщик Мак-Мурдо (он же Верди Эдварде), похожий, впрочем, по характеру своих действий на агента-provokatora. Невозможно согласиться с мнением одного из основных биографов Конан Дойля — Дж. Д. Карра, считаю-

щего «Долину ужаса» чуть ли не лучшей из книг писателя в этом жанре. Напротив, по этой повести видно, как в конце концов оскудела де-текивная «жила», столь долго и неустанно разрабатывавшаяся писателем. Героический ореол держался вокруг фигуры Шерлока Холмса значительное время именно потому, что это был содержательный человек и мастер своего дела. Мак-Мурдо мелок, навязчив и никак не годится в преемники прославленному обитателю кабинета на Бейкер-стрит.

При энергичной литературной работе Конан Дойль не оставлял и спорта. Он не просто отдыхал или поддерживал свои силы, а опять-таки развил обширную деятельность, организуя, вдохновляя, пропагандируя. Не зря же громоздкий воз, который тянет «старый конь», венчают боксерские перчатки, клюшки для гольфа и лыжи. Летом 1911 года Конан Дойль отправился в Германию для участия в англо-немецком автопробеге. Здесь его застал так называемый «инцидент Пантера — Агадир», то есть провокационная вылазка немецкого военного судна, возвестившая приближение общеевропейской катастрофы. «Что-то все это значит!» — заметил тогда же Конан Дойль приятелю, но пробег все-таки закончил.

С началом первой мировой войны писатель, которому исполнилось пятьдесят пять лет, снова готов был идти добровольцем, и снова он видел в этом миссию ветерана, обязанного подать пример. «Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить ее, — писал он брату Инессу Дойлю, в будущем генералу, — и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать благотворное воздействие на других». Его предложение было отклонено. Все же в составе английского военного флота плавал в это время траулер, названный «Конан Дойль». А главное, сын, брат, два племянника, зять, брат жены Конан Дойля, ушли на фронт. Все погибли. Сын Кингсли был ранен на Сомме в горло и за несколько часов до перемирия скончался от воспаления легких. Тот же недуг унес брата Инесса.

Всю войну Конан Дойль писал не покладая рук; по неостывшим следам событий он составлял летопись этого мирового потрясения. Его «История действий английских войск во Фран-

ции и Фландрии» начала выходить в 1916 году — когда гремела война, а к 1920 году были изданы шесть томов.

Конан Дойлю предложили посетить театр военных действий. Результатом поездки была его книга «На трех фронтах» (1916). Он посетил английскую, итальянскую и французскую армии, то есть побывал на позициях, где в это время сражались будущие авторы романов «Огонь», «Смерть героя», «Прощай, оружие!». Конечно, ни революционного пафоса Анри Барбюса, ни горечи разочарования Олдингтона или Хемингуэя не мог бы разделить Конан Дойль. Он смотрел совершенно иными глазами. Сам готовый идти на смерть и принесящий тяжкие личные жертвы, он видел в происходящем героический трагизм.

В своем старом мундире, при ордене, Конан Дойль, став опять на короткий срок солдатом, сжился с армией. Он был на передовой, ходил по окопам. «С фронта трудно писать — отмечал он.— Известно, что имеются некие вежливые, однако немолчаливые джентльмены, которые могут высказать свое мнение, и это повлечет за собой «небольшое упрощение стиля»». Он прекрасно понимал, » что, если даже смотреть с оптимистической и благожелательной точки зрения, положение дел гораздо более сурово, чем это изображается в официальных сообщениях. Но сам он преисполнен был воинственного воодушевления, и это по-особому окрашивало в его глазах и армейские будни и настроение солдат.

Конан Дойль не искал обособленности, не знал внутреннего отъединения. Напротив, писатель постоянно оставался «на улице», на людях. И если он подчас отстаивал некую свою позицию, то опять-таки в пределах общего потока, не сопротивляясь ему. Убеждая отправить его на фронт в возрасте пятидесяти пяти лет, Конан Дойль ссылался, в частности, на то свое преимущество, что у него еще достаточно мощный голос, чтобы увлечь за собой солдат.

«Железный» Киплинг, также склонный мыслить государственно,— и тот предпочитал иногда остаться в стороне. Конан Дойль же все время здесь, «на улице», на людях. Он убеждали разубеждали чем-то правительство, спорил с генералами, воевал с судьями, писал в газеты, конфликтовал с собратьями по перу, и тем не менее он оставался с ними. В то

время в своих демократических симпатиях Конан Дойль был осторожен, предпочитая не переходить известной грани. Словный дух жил в нем также неистребимо. Они различались в этом смысле с Уэллсом. Создателю «Машины времени» была свойственна простота обращения, в нем не сквозило и намека на снобизм. «Вы, кажется, играли некогда в крикет в Липхукке?» — спросил он однажды Конан Дойля. Тот отвечал утвердительно. «А не приходилось вам замечать старика, профессионала, содержателя площадки?» Конан Дойль вспомнил и старика. «Это был мой отец», — добавил Уэллс. Конан Дойль был шокирован.

Однако когда речь шла о солдатской или хотя бы спортивной спайке, тут Конан Дойль оставался «обыкновенным человеком», готовым разделить общую участь.

В нем жил решительный, органичный, проникающий всю его натуру оптимизм, и символично, что после его смерти был найден конверт с записями, где говорилось: «Я не страшусь того зла, которое способен мне причинить человек».

Но, должно быть, испытания военных лет все-таки пошатнули Конан Дойля. Во всяком случае, именно на исходе войны он как бы в поисках выхода из гнетущего настроения обращается к спиритизму. Этот ясный, реальный человек интересуется вдруг такими сочинениями, как книга Мейерса «Человеческая личность и ее дальнейшая жизнь после телесной смерти». Французский биограф Конан Дойля — Пьер Нордон, единственный, кому удалось получить доступ к неопубликованным семейным архивам писателя, называет вопрос, связанный с этой стороной его жизни, «деликатным». Тут в самом деле есть, вероятно, глубоко личные мотивы. Рафаэль Сабатини, автор «Одиссеи капитана Блэда», рассказывал, что, когда у него погиб в автомобильной катастрофе сын, Конан Дойль советовал ему искать утешения в спиритизме,

Личные мотивы, особенно гибель близких людей, повлияли на умонастроение писателя, однако не без воздействия других основательных причин. Конан Дойля тревожило нарастание социальных противоречий и классовых конфликтов, он пережил определенный внутренний кризис, когда почувствовал, что над буржуазным существованием нависла угроза решительных потрясений, а он не видел приемлемого для его убеж-

дений реального выхода. Повышенный интерес к спиритизму связан с этим его состоянием, на что указывают, в частности, и произведения художественной фантастики, написанные Конан Дойлем к концу его жизни.

В 1924 году Конан Дойль издал свои собственные «Воспоминания и приключения». В 1929 году вышла его научно-фантастическая повесть «Маракотова бездна».

В начале 20-х годов Конан Дойль съездил в Австралию, а всего за год до кончины — снова в Южную Африку и Норвегию с лекционным турне. По возвращении из Осло он уже не в силах был добраться домой без посторонней помощи. «Старый конь долго тащил тяжелый воз. Но за ним был хороший уход. Надо, чтобы недель шесть он постоял в конюшне, да еще на шесть месяцев пустить его на траву, и он снова отправится в путь», — так рассуждали у Конан Дойля врачи — «ветеринары», изображенные писателем тут же на картинке; Однако путь «старого коня» непреодолимо шел под уклон. И рисунок — больной в постели — с датой «1930» оказался последним. Конан Дойля в этом году не стало.

Посмертная жизнь «создателя Шерлока Холмса» сложилась в общем столь же удачно, как быстро и естественно росла прижизненная слава Конан Дойля. Шерлок Холмс и его спутник доктор Уотсон соперничали в популярности с персонажами Шекспира и Диккенса. Речь шла не о том, чтобы поставить самого Конан Дойля в один ряд с гигантами английской литературы, но эти два его героя в самом деле казались лицами реальными, убедительно живыми, как мистер Пиквик и Сэм Уэллер. И если англичане хорошо помнят, что Хэмпстедские пруды в Лондоне — это те самые, где члены Пиквикского клуба изучали жизнь колюшки, то не менее прочно сохранились в национальной памяти названия улиц, отелей, связанных с именем Шерлока Холмса и его изысканиями. Показательно, что иногда говорят, будто обстановка кабинета знаменитого сыщика была перенесена с Бейкер-стрит в специальную мемориальную комнату «клуба Шерлока Холмса» неподалеку от Скотленд-Ярда. Почему же «перенесена»? Разве жил когда-нибудь на Бейкер-стрит Шерлок Холмс? Трудно поверить, что нет. И это —

лучшее свидетельство главной удачи писателя в его долгой жизни и деятельности.

Конан Дойль созрел как писатель в пору, когда в Англии развивалось литературное течение, называемое неоромантизмом, то есть романтизмом новым в отличие от романтизма первых десятилетий века, а также в противоположность натурализму и символизму — двум другим течениям, сформировавшимся в последней трети XIX столетия. Р. Л. Стивенсон с его «Островом сокровищ» (1883) — первый и образцовый представитель неоромантизма. Неоромантиком был Конрад и, кроме того, ряд менее значительных писателей, из которых в свое время особенным успехом пользовался Райдер Хаггард, автор романов «Дочь Монтесумы», «Копи царя Соломона» и др.

«Как надоело все расслабленное и как требуется нам нечто сильное и яркое», — говорил Стивенсон, выражая в нескольких словах устремления неоромантиков. Он спорил с упадочными настроениями декадентов, с их унынием, замкнутостью, он протестовал и против убогого бытописательства натуралистов, Сама английская жизнь отличалась в ту эпоху каким-то прозаизмом, бесцветной деловитостью, деляческим практицизмом. Словом, духовным убожеством, от которого приходил в отчаяние Оскар Уайльд, глава декадентской школы в Англии.

«Постоянное понижение личностей, вкуса, тона, пустота интересов, отсутствие энергии... все мельчает, становится дюжинное, рядское, стертое, пожалуй, «добропорядочнее», но пошлее...» — так еще в 50-х годах XIX века наблюдал вместе с историком, экономистом и философом Дж. Ст. Миллем наступление буржуазной «толпы» А. И. Герцен. «Добропорядочность», мы видим, поставлена в кавычки, ибо это всего лишь «добропорядочность» конторской книги, «нравственность» расчета, «честность» купли-продажи, «добротность» ведения дел. К исходу века тот же процесс обострился.

Натурализм следил за этим процессом впрямую, невольно в то же время подчиняясь ему. Факт в протоколно плоском, а не творчески преобразованном виде давил творческую мысль.

Правда, преподносимая этой литературой, была правдой какой-то однобокой и поверхностной тенденции, а не исследованием жизни. Тем не менее натурализм имел много сторонников. В нем видели литературное соответствие научности, позитивизму, тогда очень широко и сильно влиявшему на умы. Эта литература считалась доступной и нужной демократическому читателю. Вышел, например, роман Джорджа Дугласа «Дом с зелеными ставнями», и Арнольд Беннет, один из крупных английских натуралистов, усиленно советовал Г. Дж. Уэллсу обратить внимание на эту книгу, называя ее «первым реалистическим шотландским романом». «Это не высший класс,— признавал Беннет,— но... ты впервые в жизни увидишь Шотландию». «Чертова серость»,— отозвался в ответ Уэллс о «Доме с зелеными ставнями».

Натуралисты считали своей заслугой смелость, с какой они решались нарушать основное правило буржуазной добродетели — «книга должна быть написана так, чтобы при чтении ее не пришлось краснеть молоденькой девушке». Характерна была в этом смысле полемика вокруг романа также одного из видных английских натуралистов, талантливого писателя Джорджа Мура «Эстер Уотерс». В этой полемике принял участие и Конан Дойль. Он защищал «Эстер Уотерс», подчеркивая, что литература существует не для одних молоденьких девушек, что писатели решают более «взрослые» задачи. Когда против Джорджа Мура и его книги готова была подняться травля, Конан Дойль отважно вступил в схватку. Он демонстративно хвалил роман, и эта демонстративность чувствуется: Конан Дойль отстаивает право писателя говорить, что он считает нужным, однако в его апологии нет действительно глубокого творческого сочувствия тому, как Джордж Мур это делает. Конан Дойль защитник его, но не соратник.

Неоромантики не разделяли пристрастия натуралистов к бытовой атмосфере, к приземленным героям, «маленьким людям». Они искали красочных героев, необычной обстановки, бурных событий.

Фантазия неоромантиков двигалась в разных направлениях: они звали читателей в прошлое или в далекие земли. Они

совсем не обязательно уходили от современности, но представляли ее с неожиданной стороны, вдали от городских будней.

Известно, сколько усилий приложил Киплинг, чтобы вылепить из колониального чиновника или офицера колониальных войск романтически-приподнятого героя. По романам современного английского писателя Грэма Грина, скажем, «Суть дела», где колониальный мир представлен таким, каков он есть, нетрудно увидеть, что быт этого офицерства и чиновничества еще большая проза, чем конторы лондонского Сити. Но Киплингу в литературном отношении было важно, чтобы контраст был во всем: в красках пейзажа, в манерах, нравах.

Оскар Уайльд рассуждал: «Для романтического писателя не может быть худшей обстановки, чем романтическая, — вот что стало ясно для меня. Живи Стивенсон на Гоуэр-стрит, он мог бы написать книгу вроде «Трех мушкетеров», между тем на острове Самоа он писал письма о немцах в «Таймс». Фактически Оскар Уайльд не совсем точен: Стивенсон писал на Самоа не одни только «письма о немцах», но романы и рассказы. Однако важна мысль по существу — о контрасте, о том или ином протесте против окружающей обстановки. В шотландском горном коттедже Стивенсон мечтал о море и пиратах, создавал «Остров сокровищ», а среди сказочной природы Самоа ему, может быть, вспоминалась однообразно-кирпичная Гоуэр-стрит.

Конан Дойля влекли и история, и моря, и не только дальние, но и вымышленные страны, а главное — романтика рядом, где-то здесь, за углом. У Герберта Уэллса есть рассказ «Волшебная лавка», у Конан Дойля — «Таинственная дверь», и по этим двум произведениям видно, как владело английскими писателями стремление неожиданно открыть среди бела дня некую тайну, вдруг отыскать «дверь в стене», через которую можно будет проникнуть в необычайный мир. Шерлок Холмс и называл это своим «пристрастием ко всему необычному, ко всему, что выходит за пределы привычного и банального течения повседневной жизни». Но тот же Шерлок Холмс следовал четкому правилу: «Чтобы отыскать эти непонятые явления и необычные ситуации, мы должны обратиться к самой жизни, ибо она всегда способна на большее, чем любое усилие фантазии».

Книги Конан Дойля определенно складываются в несколько циклов. Каждый из этих циклов соединен тематически или судьбами одних и тех же героев, или одного и того же героя. Так следует одна за другой книги о бригадире Жераре, книги, где действует Шерлок Холмс или профессор Челленджер.

Похождения Шерлока Холмса занимают четыре романа (как называл их автор, но точнее сказать, повести): «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех», «Собака Баскервилей», «Долина ужаса» — и пять сборников рассказов.

А. И. Куприну принадлежит выразительная, хотя несколько преувеличенная характеристика: «Конан Дойль, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По — «Преступление на улице Морг». Сказано, может быть, излишне сурово, но, по сути, точно. Предшественников Шерлока Холмса нетрудно назвать. Во Франции это Лекок из романов Эмиля Габорио, в Англии — сержант Кафф из «Лунного камня» Уилки Коллинза, однако самый ранний — это Дюпен из «Убийства на улице Морг».

Конан Дойль не скрывал литературной родословной своего героя. Он был восторженным почитателем Эдгара По. Кстати в его архиве сохранился редкий документ: подробное письмо одного из очень немногих, а может быть, единственного (к 1909 году) человека, знавшего лично американского писателя и присутствовавшего на его нищенских похоронах. Автор «Ворона» обрел во второй половине XIX столетия удивительную посмертную славу в Европе и триумфально «вернулся» к себе домой за океан со всемирно известным именем. Сильно сказалось его влияние в поэзии, в развитии новеллы, рассказа, особенно детективного.

Та самая «сила дедукции», о которой постоянно напоминал своим студентам доктор Джозеф Белл, то есть умение делать вывод на основе множества мимолетных наблюдений, и оказалась действенным орудием следствия, сыска, розыска в руках Дюпена. «Полицейских смущает, — говорит Дюпен, — видимая немотивированность», — речь идет о небывало звер-

ском убийстве... В полиции озадачены, потому что там привыкли искать мотивы преступных действий прямым путем, привыкли тянуться по следу преступника и обкладывать его, будто затравленного зверя. Иное дело Дюпен. В его глазах улики и мотивов достаточно. Стоило ему заметить оттенок в показаниях свидетелей, из которых одни говорили, что слышали визгливый голос, а другие утверждали — хриплый, как у Дюпена возникает догадка, предопределяющая весь дальнейший ход расследования тайны. «Рассудок силится установить причинную связь явлений,— размышляет, в свою очередь, Легран, добровольный детектив из рассказа «Золотой жук»,— и, потерпев неудачу, оказывается на время парализованным». Но только на время. Легран вновь и вновь приводит в систему факты и наблюдения, на первый взгляд никак между собой не связанные, пока наконец не обнаружится в их сопоставлении своя логика.

И Конан Дойль говорил о Шерлоке Холмсе, что его герой раскрывал сложные криминальные случаи не из-за промахов преступника, а благодаря своему умению.

«Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу» — этой проблемой открывается рассказ «Убийство на улице Морг». Речь идет об этом в самом начале 40-х годов прошлого века, когда впереди еще — за единичными исключениями — будущее развитие литературной школы психологического анализа. Эдгар По среди пионеров, осваивающих неведомую область. Гениальность его, о которой говорил Куприн, и сказалась в плодотворном направлении поисков, в точности намеков и находок, развитых позднейшими писателями далеко за пределами детективного жанра.

Конан Дойль следовал создателю Дюпена и Леграна в более узком, специальном смысле. Кажется, будто в самом деле Шерлок Холмс продолжает своими мыслями и действиями первые страницы «Убийства на улице Морг». «Известно,— говорится там,— что для человека, исключительно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейших наслаждений. Как атлет радуется своей силе и ловкости и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так и аналитик горд своим умением распутать любую головоломку. Всякое, хотя бы и нехитрое занятие, высекающее

искры из его таланта, ему приятно. Он обожает загадки, ребусы, криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая заурядному сознанию представляется чуть ли не сверхъестественной. Его выводы, рожденные существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции».

К «умению распутать» и «проницательности» добавляется здесь же еще одно, также подчеркиваемое свойство: «все решает внимание». Стоит ему ослабеть, рассуждает По, и вы совершаете оплошность, которая приводит к просчету или поражению. Это указание будто бы прямо обращено к доктору Уотсону, постоянному спутнику Шерлока Холмса, который не успевает следить за мыслью знаменитого детектива.

Да, Эдгар По многое подсказал несколькими своими новеллами детективному жанру. Однако Конан Дойль не был просто подражателем американского писателя. Он с талантом и размахом продолжал его поиски, в свою очередь открывая новое, а главное, придал этому жанру форму развитую и законченную. В ряду знаменитых детективов, начинающемся с Дюпена и Лекока, Шерлок Холмс, — бесспорно, самое выразительное лицо, наиболее живой характер, а не только хорошо развитый «бугор апперцепции». Вот почему лишь историки литературы помнят и указывают его предшественников, а большинство читателей, несомненно, при слове «детектив» назовет сразу одно имя — Шерлок Холмс.

У Конан Дойля была, мы знаем, и живая модель. Это также помогло, должно быть, сделать Шерлока Холмса реальной фигурой. Джозеф Белл не отрицал сходства. Он даже высказывался по этому поводу в печати, признавая в методе Шерлока Холмса свою школу. С еще большей определенностью указал он на своего способнейшего ученика — на самого Конан Дойля, достойно воспринявшего уроки наставника.

Шерлок Холмс — артист, исследователь в своем роде, но только не чиновник сыска и не «ангел-хранитель» буржуазной собственности, каким был Лекок у Эмиля Габорио или, позднее, американский «король сыщиков» Нат Пинкертон. Существенно, что Нат Пинкертон, бесчисленные и главным образом анонимные книжки о похождениях которого наводняли на рубеже XIX—XX столетий мировой читательский рынок, служил как

бы «визитной карточкой», «рекламером» реально существовавшего в США «Сысканого агентства Аллана Ната Пинкертона и Сыновей». Между тем обитатель кабинета на Бейкер-стрит в Лондоне — одинокий мастер: ни денежное вознаграждение, ни интересы какого бы то ни было дела или фирмы не составляют мотивов его деятельности. И о восстановлении справедливости он риторически почти не рассуждает (этой фальши было довольно в «пинкертоновских» выпусках). Шерлок Холмс занят логической сложностью задачи. И как раз его исследовательский артистизм, свободный от слащаво-мещанской добродетели, делает его привлекательным героем, заставляя верить на слово в его правоту. В лучших вещах, конечно.

И не первая повесть Конан Дойля «Этюд в багровых тонах» создала Шерлоку Холмсу и его создателю имя.

Шерлок Холмс раскрылся по-настоящему в циклах рассказов: в его «Приключениях» (1892) и «Записках» о нем (1894), составленных доктором Уотсоном. «Союз рыжих», «Человек с рассеченной губой», «Голубой карбункул», «Пять апельсиновых зернышек», а также «Пляшущие человечки» из сборника «Возвращение Шерлока Холмса» (1905) — вот образцы. Именно после этих рассказов Шерлок Холмс заставляет помнить о себе как о живой, цельной и незаурядной личности.

В каких только поворотах не изучался Шерлок Холмс, будто он в самом деле жил и действовал! Нашлись исследователи, которые с необычайным энтузиазмом и тщанием привели в хронологический порядок его биографию, постарались по косвенным намекам восстановить в его существовании все то, что выходит за пределы разбираемых им таинственных происшествий. Установили, что ему нравилось и не нравилось, чем он увлекался и что недолюбливал, каковы были его взгляды на религию и взаимоотношения с женщинами. Наконец, те же добросовестные исследователи указали... профессиональные ошибки маэстро.

И Шерлок Холмс, оказывается, ошибался, но не только потому, что «на всякого мудреца довольно простоты»; некоторые его промахи на совести Конан Дойля, который не всегда

мог соблюсти совершенную строгость и стройность в умозаключениях своего героя.

Так случалось, если автор вторгался в область специальную, и тогда «соколиное зрение» не спасало Шерлока Холмса перед судом знатока. Фиаско в этом смысле Конан Дойль потерпел с рассказом «Серебряный» — о пропаже классного скакуна и убийстве тренера. Позднее писатель чистосердечно признался, что ничего не понимал в ипподромном быте и взял скаковой мир лишь как эффектную площадку для действий. Истинные знатоки тотчас различили невежество и не могли этого простить. И тот, кто понимал скачки как следует, учинил Конан Дойлю в спортивном отделе одной из газет полный разнос. Писатель оценил ревность конника-энтузиаста, не спорил, не отпарировал, но и не сдавал своих позиций. Он знал, что им раз и навсегда найден в поведении Шерлока Холмса тон психологической убедительности, который уберегает его от мелочных придинок. «Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, и конюшни были заперты в девять часов», — что же, пусть «обычно» лошадей тренируют и купают по утрам, и в девять часов утра, а не вечера, скаковой ипподром уже замирает, но сюжет, но суть происходящего требовала сумерек — и был вечер. Ведь не хотели же верить в натуральную змею на сцене, а макет выглядел, как живая змея.

Еще раз Шерлока Холмса поймали на слове, когда в рассказе «Случай в интернате» он с присущей ему уверенностью определяет, между прочим, по следу велосипедных колес, в какую сторону ехал человек.

— Это невозможно! — стали говорить Конан Дойлю.— След переднего и заднего колеса совершенно одинаков!

Тут Конан Дойля взяло за живое, потому, должно быть, что он сам был заядлым велосипедистом. Он решил проверить это на опыте, и оказалось, что Шерлок Холмс был прав!

Конечно, лишь специальное и скрупулезное изучение могло обнаружить всякие несуразности. С широкой читательской точки зрения Шерлок Холмс оставался непогрешимым. Ведь большинство следило не за ходом следствия и не за «дедукцией» — все подчинялось полету вдохновения, которое овладевало Шерлоком Холмсом при столкновении с

опасностью или тайной. Убедительно было вот что: приехали французские школьники в Лондон и первым делом попросили показать, где на Бейкер-стрит живет Шерлок Холмс. А когда уже не школьники, а литераторы поинтересовались у Конан Дойля, где тот дом, который автор имел в виду, когда описывал жилище Шерлока Холмса, писатель просто не знал, что ответить. Он и не думал об этом. «Но,— сказал он, в утешение,— там обязательно должен быть какой-нибудь дом в этом роде».

Шерлок Холмс сделался мифическим персонажем; сойдя со страниц книг Конан Дойля, он стал достоянием молвы, о нем фантазировали сами читатели. Появились анекдоты о Шерлоке Холмсе и его создателе. Например: в Риме берет Конан Дойль извозчика, тот и говорит: «А, господин Дойль, приветствую вас после вашего путешествия в Константинополь и в Милан!» «Как мог ты узнать, откуда я приехал?» — удивился шерлок-холмсовской проницательности Конан Дойль. «По наклейкам на вашем чемодане», — хитро улыбнулся кучер.

У Конан Дойля также часто спрашивали, кто он сам: Шерлок Холмс или доктор Уотсон? И писатель опять в недоумении разводил руками. Ни тот, ни другой отдельно, в нем содержались оба, как и вообще жизнь связывает противоположности, «лед и пламень», безумные фантазии и здравый смысл, проницательность и простоватость. Друг без друга эти крайности даже менее интересны.

«Я не хочу быть неблагодарным Холмсу,— писал Конан Дойль в автобиографии, подводя итог их долгому союзничеству,— он был для меня во многих отношениях хорошим другом. Если иногда я вроде бы и уставал от него, так это потому, что характер его не допускает светотени. Это счетная машина, и всякая попытка добавить что-нибудь лишь способна испортить все впечатление».

Все же Конан Дойль неуклонно считал, что успех Шерлока Холмса заслоняет его более значительные произведения. Писатель имел в виду свои исторические романы.

Три эпохи из прошлого Англии и Европы особенно интересовали его. Это, во-первых, времена Столетней войны XIV—XV веков. Затем XVII столетие, пора Английской буржуазной революции. Наконец, наполеоновские войны, от Тра-

фальгара до Ватерлоо. Им писатель посвятил несколько произведений, в том числе «Подвиги» и «Приключения» бригадира Жерара. К этому циклу примыкает «Родни Стоун» (1896). Время действия этого романа относится к первым десятилетиям прошлого века, те же имена Наполеона и Нельсона встречаются на его страницах. Однако исторические события, государственные персоны проходят в нем бледным фоном, больше всего внимания уделено спортивным нравам и лицам, главным образом боксу, атмосфере, окружавшей ринг, колоритным фигурам боксеров, кодексу спортивной чести. В жанровом отношении это роман переходный — от исторического к социально-бытовому. Впрочем, ему предшествовал социально-бытовой роман «Торговый дом Гердлстон» (1890).

К историческим романам Конан Дойля примыкает небольшой цикл рассказов о далеком прошлом. Среди них рассказы из истории Рима и римского владычества в Англии последних его дней. Писателя, как можно видеть, интересовали узловые этапы английской истории.

К прошлому Конан Дойль обращался с воодушевлением исследователя и тщанием реставратора: он добивался максимальной бытовой достоверности в картинах ушедших времен. «История — такая дама, — отмечал он, — что если кто-либо позволил себе какие-нибудь вольности в отношении ее, то должен поспешить раскаяться и сознаться». Каждому историческому роману Конан Дойля предпослан список книг, специальных и популярных, которыми он пользовался, восстанавливая картину той или иной эпохи. Тут фундаментальные исторические исследования, мемуары, дневники, письма, работы по быту, по отдельным отраслям деятельности. Например, приступая к роману «Родни Стоун», Конан Дойль читал «Историю флота», «Историю бокса», «Историю скачек», «Времена кучеров». Он перечислял эти книги не только потому, что в Англии строго соблюдается авторское право и даже частичный плагиат может повлечь за собой судебное дело, но потому также, что писатель хотел подчеркнуть основательность повествования. Будет преувеличением сказать, что он и сам занимался исследованием. Нет, он лишь умело и талантливо компилировал, цепко выбирая выразительные детали, черты обихода, приметы нра-

вов, манер, особенности речи. В каком-то смысле Конан Дойль действовал теперь так же, как поступал он еще в ученические годы: пересказывал, преображая прочитанное. С юных лет им усвоен подобный метод: вдохновиться, «пропитаться» книгами, а затем заново и по-своему пережить их. «Скомбинировать и передать» — он сам говорил об этом.

Однако сверх живой детали, бытовой достоверности есть еще другая, гораздо более принципиальная «правда истории» — собственно правда, представление о которой зависит от угла зрения на прошлое, от авторской тенденции. И здесь дело обстоит сложнее.

Конан Дойль откровенно тенденциозен в своем подходе к истории. Даже когда он стремится, как в «Белом отряде», показать человека, «который одну минуту свиреп и зол, а в следующую минуту делается ласковым и мягким, на губах у него ругательство, а глаза смеются», даже когда писатель таким образом смешивает «добро» и «зло», все равно ясны его симпатии. И в истории он ищет людей родственной ему среды, следя за тем, как от прошлого к настоящему совершалось их продвижение. На этот счет у писателя существует своя, так сказать, правда, свой пафос истории. И в этом продолжают действовать ранние его пристрастия. Конан Дойль по-прежнему сохраняет привязанность к Т. Б. Маколею, ибо по-своему оправдывает повороты и жертвы истории там и тогда, где торжествует среднебуржуазная прослойка.

В романе «Белый отряд» Конан Дойль обратился к кризисному этапу истории феодальной Англии и представил в героическом ореоле мелкое или измельчавшее рыцарство, которое готово было приспособиться к новым условиям. Была, однако, в английской литературе еще одна книга о рыцарстве. Но уже не исторический роман, а памятник как раз того самого времени. Книга эта — «Смерть Артура» — появилась за рамками периода, взятого Конан Дойлем, позднее событий, изображенных им, однако в пределах все той же эпохи Столетней войны, а также междоусобицы Алой и Белой Розы.

Автор «Смерти Артура», сэръ Томас Мэлори, рыцарь, личность полуполегендарная, но все же установленная, был истинным сыном своего века. Он был, возможно, ровесником XV столетия,

и не исключено, что юношей участвовал в прославленной битве при Азинкюре. В итоге своей бурной, ломаной жизни сэр Томас оказался в темнице и там составил обширный свод легенд о рыцарях Круглого Стола, служивших древнему королю Артуру. И Мэлори был тенденциозен, стараясь через старинные рассказы передать свое понимание современности. Патетический приверженец прошлого, плоть от плоти феодального уклада, он с безысходной горечью смотрел, как уходит в небытие его Англия. Чем ближе к развязке, тем чаще раздаются вздохи: «Так было в то время», или «Вот было время», или «Не то, что ныне». Даже когда подруга короля Артура оказывается неверна супружескому долгу, Мэлори не хочет признавать измены, «ибо и любовь в те времена была не такой, как в наши дни».

Со страниц исторических романов Конан Дойля также слышны вздохи о прошлом, о том какое «было время»... Но вздохи и сетования этих двух авторов звучат не в унисон.

Разница становится особенно резка, когда Мэлори подходит к последним главам своей эпопеи. Не только степень, не только сила тоски по прошлому, но и само ее существо иное.

Содружество Круглого Стола распалось. Вместо него видим груды мертвых, искалеченных тел. Доблестные рыцари уничтожили друг друга. Один из немногих оставшихся в живых вассалов короля Артура отправляется взглянуть на поле битвы. В накаленном гибельными страстями воздухе реет сознание непоправимой, трагической ошибки. То, что открывается взору последнего из рыцарей, еще более жутко.

«... И услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обируют благородных рыцарей, срывают богатые пряжки, и браслеты, и добрые кольца, и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают ради богатых доспехов и украшений».

Кто же эти «пузыри земли», если воспользоваться шекспировскими словами? Вглядевшись пристальнее, мы узнаем в них обломки тех самых «белых отрядов», которые были героизированы Конан Дойлем.

Ночное поле боя, покрытое окровавленными телами, и вурдалаки, бродящие по нему в поисках добычи,— живая кар-

тина и в то же время аллегория. Так представлял себе автор «Смерти Артура» распад прежнего мира и судьбы отечества. Столь низменный облик имели в его глазах силы, способствовавшие этому распаду.

«Однако тут-то, в этом чаду смерти,— на свой лад рассуждает Конан Дойль,— в этом тумане заразы, зародилась более светлая и более свободная Англия. Тут в этот мрачный час сверкнул первый луч новой зари. Ибо не иначе, как посредством великой встряски и перемены, могла нация свергнуть железную феодальную систему, сковывавшую ее члены».

Необходимо еще раз оговорить: в «Смерти Артура» и в романе Конан Дойля, откуда взято это суждение, показаны разные события, разные этапы, но одного процесса. И если для Мэлори феодальная эпоха обрывается «днем рока», несет в себе смерть, конец, то Конан Дойль говорит о «новой заре». Говорит он об этом в то время, когда новейшие сэры Найджелы стали очень уж похожи на прозаических, благополучных Форсайтов. А Конан Дойль хочет напомнить им о бурных страстях, о былом героизме, о благородстве. Никакое другое понятие не употребляется им столь часто, как «рыцарское благородство».

И если Мэлори в свое время оправдывал супружескую измену, потому что и «любовь прежде была не такая», то Конан Дойль в том же примерно духе романтизирует наполеоновские войны, ибо и у него выходит, что раньше была иная война, не беспринципно-безжалостная, как ныне... «То был исключительный век,— говорится в авторском предисловии к наполеоновским романам,— и он давал исключительных людей. Двадцать три года Франция находилась в состоянии войны, лишь с краткой мирной передышкой на несколько месяцев. Для французов война стала нормальным и естественным состоянием. Дети рождались на войне, росли на войне, бились на войне и умирали все в той же нескончаемой войне, не имея даже понятия о том, что такое мирная жизнь... И, оказывается, столь удивительные условия не огрубили их, между ними попадались рыцарственные, благородные души, отчаянно доблестные, чьи поступки живо напоминали об истинном духе рыцарства». И далее неунывающий бригадир Жерар на протяжении своих «Под-

вигов» и «Приключений» постоянно толкует о «благородстве» и «рыцарстве».

Бокс, и тот был прежде благороднее, как стремится показать это Конан Дойль в романе «Родни Стоун». «Во времена Джексона, Брейна, Крибба, Блетчеров, Пирса, Галли и прочих главарями ринга оставались люди, чья честность стояла выше подозрений»,— так утверждает Родни Стоун. Он не хочет остаться голословным: «Вы слышали, как Пирс спас в Бристоле девушку из горящего дома, как Джексон завоевал уважение и дружбу лучших людей своего века и как Галли занял место в первом Парламенте после реформы». Готовые отдубасить друг друга по всем рыцарским правилам на ринге, эти бойцы тем более являли образцы благородства за чертой канатов. Словом, «были люди»! А ныне? И слово «проходимцы» — первое, что срывается с языка у Родни Стоуна.

Никакая жестокая схватка, даже никакое коварство или урон, нанесенный рыцарской чести, не способны были вывести сэра Томаса Мэлори из равновесия до тех пор, пока все это совершалось в пределах Круглого Стола. И повествователь с толком, со знанием дела и высоким чувством готов без устали живописать, как рыцари в доблестном бою наступали, да отступали, да приседали, да увертывались от нападений и сами отвечали противнику могучими ударами. Сэр Томас внимательно следит за тем, как хлещет кровь, подробно передает, что за раны и увечья были нанесены в честной схватке и какое множество полегло на поле. А сколько раз не только в силу повествовательного ритуала, а по непосредственной склонности и охоте Мэлори наблюдает и передает: вот один рыцарь поверг другого замертво, и спешит к нему, и снимает с него шлем, и становится на грудь ногой или поступает каким-нибудь еще страшным способом и собирается отсечь ему голову, если только побежденный не успеет или не пожелает вымолить себе пощаду!

Весь этот ужас по меньшей мере нормален, если не привлекателен для Мэлори. И для него это вовсе не «ужас», но суровая и даже страшная цена единства Круглого Стола. А Круглый Стол, как и чаша Святого Грааля,— превыше и важнее всего! Совершенно иными глазами смотрит Мэлори, когда вдруг откуда-то из-под земли выползает кровососное пожирательство,

хищничество, чуждое каких бы то ни было одушевляющих понятий, кроме наживы.

По-своему и Конан Дойль говорит о войне как о «нормальном и естественном состоянии», о кулачной драке — как о честном и благородном занятии и, наконец, о разбое «белых отрядов» — как о чем-то героическом, поскольку каждая из этих сфер — замкнутый, живущий своими законами мир, отличный в этом смысле от мира новейшего, где, кажется, нет пределов, нет норм, короче, нет «благородства».

Конан Дойль соблюдает, конечно, меру иронии в отношении к браваре и «доблести» Жерара, вообще ко всему «героическому» и «благородному», что берет он из прошлого. Но эта мера далеко не всегда выдерживается им или оказывается подвластна ему. Его голос дрожит, взор затуманивается, ему чудится «воссоединение народов английского языка», ему видится торжествующий «дух нации».

Конан Дойля привлекают цельные, жизнелюбивые и волевые характеры, героями его исторических романов выступают люди, чуждые религиозного фанатизма и сословной ограниченности, проникнутые свободолюбивым духом, наделенные чувством личного достоинства. Обращаясь от прошлого к современности, он духу наживы и буржуазному хищничеству противопоставляет дух бескорыстия и благовидной деятельности, дельцам-живоглотам—деловых людей иного склада. Вместе с тем он невольно обнажает зависимость неприглядных и преступных явлений, злобных характеров и зловещих замыслов от условий жизни, как он это делает, например, в «Торговом доме Гердлстон» — социально-бытовом романе с криминальным и детективным сюжетом.

Хотя исторические романы Конан Дойля, а также «Торговый дом Гердлстон» имели успех, все же им не была суждена столь долгая и постоянная жизнь в читательской памяти, какой достигли книги о Шерлоке Холмсе. Да и научно-фантастические повести Конан Дойля оказались в этом смысле удачливее. «За-терянный мир», «Отравленный пояс», «Маракотова бездна» — именно фантастические свои произведения, и прежде всего «За-терянный мир», Конан Дойль посвятил «мальчику, наполовину ставшему мужчиной, или мужчине, наполовину остающемуся

мальчиком», то есть читателю, готовому отправиться в страну вымысла. Впрочем, фантазируя, Конан Дойль также добивался достоверности.

Работая над «Затерянным миром», населяя плато на Амазонке разными доисторическими животными, Конан Дойль консультировался со специалистами. На него, в частности, оказал влияние своими трудами и советами зоолог Эдвин Рей Ланкестер. «Как насчет гигантской змеи длиной в шестьдесят футов? — предлагал Ланкестер Конан Дойлю новых обитателей «Затерянного мира». — Или зверя, похожего на кролика, а величиной с быка?»

«Затерянный мир» вышел самой удачной и убедительной научно-фантастической книгой Конан Дойля. Вот почему, должно быть, подобно тому, как искали на Бейкер-стрит дом Шерлока Холмса, современные летчики, пролетая над Амазонкой, высматривают плато, описанное Конан Дойлем.

В поздних книгах сказались кризисные настроения, владевшие тогда писателем. Фантазия там переставала быть трезвой, она наполнялась мистикой.

Конан Дойля всегда внутренне задевало, что книги, которые писались у него как бы сами собой, оказывались лучше его же произведений, требовавших большого труда. Если бы было наоборот, полагал Конан Дойль, «я занимал бы иное положение в литературе». У него не было болезненного самолюбия или честолюбия. Напротив, он отдавал себе отчет в своих творческих возможностях. О многом говорит тот факт, что на предложение завершить оставшийся незаконченным последний роман Р. Л. Стивенсона «Сент-Ив» Конан Дойль ответил отказом: Стивенсон слишком хороший писатель, чтобы он, Дойль, мог как бы то ни было равняться с ним...

Его тревожило другое.

Принадлежа к поколению Оскара Уайльда, Дж. Б. Шоу, Джозефа Конрада, Р. Киплинга, Г. Дж. Уэллса и Дж. Голсуорси, Конан Дойль тем не менее не попадал в разряд «серьезных литераторов», а числился каким-то развлекателем. В молодости он попробовал писать, подражая Генри Джеймсу, мэтру «серьезной литературы». Не вышло: он не владел психологизмом. Р. Л.

Стивенсон, который с блеском проявил себя во многих жанрах, также оставался недостижим для него.

Уровень, составлявший предел мечтаний Конан Дойля, требовал, в частности, резко индивидуального, изысканного стиля. А его язык был подвижен, легок, прям, но не более. Не доставало богатства оттенков. И как ему было тягаться с литераторами-психологами, когда наиболее выразительное лицо, им созданное, не допускало, по его собственному признанию, светотени? И читательская популярность, по размаху которой Конан Дойль мог поспорить с самим Стивенсоном, не успокаивала его. Он искал прочной литературной репутации.

Все это говорит о требовательности писателя к себе. Между тем он мог бы чувствовать себя спокойнее: его место и в читательской памяти и в истории английской литературы определено и оригинально. Оно заметно для всех.

Конечно, были ценители, которые смотрели на Конан Дойля свысока. Тот же Генри Джеймс говорил как-то Уэлсу о «бессилии своей выдумки» и тут же прибавлял: «Это скорее для Конан Дойля»,— считая занимательность сюжета чем-то второстепенным и второсортным.

Конан Дойль думал иначе.

Быть понятным, интересным и умным — вот требования, которые он предъявлял к писателю. Некоторые крупные литераторы, отмечал он, иногда сполна удовлетворяют последнему условию, однако два первых им никак не даются, и дорога к читателю закрыта для них. Такова была судьба выдающегося английского романиста и поэта Джорджа Мередита, которого Конан Дойль знал лично и ставил как мастера очень высоко. Конан Дойль же старался по мере своих сил следовать всем трем пунктам, и книги его до сих пор не выпускают из рук читатели самых разных стран и возрастов.

«Много было писем из России»,— вспоминал в автобиографии Конан Дойль, говоря об откликах на свои произведения, главным образом на рассказы о Шерлоке Холмсе. Конан Дойля знают у нас давно, и большинство его художественных произведений переведено.

У нас ценили и ценят Конан Дойля за талант увлекательного рассказчика, за его жизнелюбие и веру в человека и его разум, за силу фантазии и мастерство, с каким он строит напряженный детективный или приключенческий сюжет, за серьезное отношение к писательскому труду и уважение к читателю, который любит занимательное чтение.

М. Урнов